
Вера Горизонтова
Кофе, кот и якорь: инструкция по выживанию. Часть первая

Вера Горизонтова

Кофе, кот и якорь: инструкция по выживанию. Часть первая

https://litres.ru/74701973
SelfPub; 2026

Аннотация

В городе, где магия держится на тонких нитях резонанса, а тени становятся всё плотнее, ведьма и её команда стоят на последней линии обороны. Их оружие — не только древние якоря, связывающие реальность, но и преданность. А ещё — кот Барсик, который, хоть и требует сыр после каждого подвига, первым чует опасность и не даёт никому забыть, что даже в самой тёмной ночи есть место иронии.

Предательство проникло в стаю, и теперь «Чёрные клинки» подбираются к сердцу города. Чтобы удержать периметр, герои должны действовать как единое целое: Борн с его железной волей, Влад, знающий каждый секрет стаи, Алекс с хитрой техникой, уставший, но несгибаемый Томир — и сама ведьма, на чьих плечах лежит связь с магией якорей.

Содержание

Глава 1. Понедельник, кофе, оборотень и один очень незваный гость 4
Глава 2. Когда сарказм не спасает, а только украшает драму 12
Глава 3. Когда магия решает, что пора поработать 18
Глава 4. Дорога, которая не хотела быть просто дорогой 23
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Вера Горизонтова
Кофе, кот и якорь: инструкция по выживанию. Часть первая

Глава 1. Понедельник, кофе, оборотень и один очень незваный гость

Я стояла за стойкой кофейни «Горький сахар» и пыталась договориться с кофемашиной. Безуспешно. Она смотрела на меня своим металлическим взглядом так, будто знала все мои секреты — и особенно тот, что я вообще не должна варить кофе, потому что магия у меня просыпается от стресса, а не от латте-арта.

— Ну давай, — бормотала я, взбивая молоко. — Ещё пять минут, и я официально объявлю, что кофе — это не напиток, а форма медитации. С побочным эффектом в виде тахикардии.

Барсик, устроившийся на полке прямо над кофемолкой, смотрел на меня с видом философа, которому стыдно за всё

человечество — и особенно за тех, кто пытается варить эспрессо с утра.

— Ты опять разговариваешь с техникой, — лениво протянул кот. — Это не магия. Это отчаяние.

Я покосилась на него.

— Отчаяние у меня было в пятницу, когда я поняла, что съела последний мандарин и не оставила себе на понедельник. А сейчас я веду мотивационную беседу.

— Ага. «Будь хорошей кофемашиной, не сворачивай молоко, и мы все выживем». Очень вдохновляюще.

— Именно, — буркнула я. — А теперь помолчи. У меня тут тонкий момент: если я сейчас подумаю о чём-то лишнем, сахар опять начнёт складываться в руны. В прошлый раз он написал «Беги». Я до сих пор делаю вид, что это просто горка.

Барсик фыркнул.

— Твоя магия — это самоирония, помноженная на стресс. Идеальная формула для бардака.

В этот момент дверь кофейни открылась, и внутрь ворвался не просто клиент, а целая погодная аномалия. Высокий, плечистый, с таким взглядом, будто он одновременно пытался не наделать глупостей и отчаянно хотел их наделать. Он замер на пороге, втянул воздух — и вдруг застыл, будто наткнулся на невидимую стену.

Потом медленно перевёл взгляд на меня.

— У вас… тут… — он запнулся, подбирая слова, — пах-

нет не просто кофе.

Я прищурилась. Уже чуяла: тут не обычный человек. Слишком живой взгляд, слишком чуткое дыхание.

— Это корица, кардамон и щепотка моего личного экзистенциального кризиса, — спокойно ответила я. — Фирменный аромат понедельника.

Барсик тихо пробурчал:

— Оборотень. И он уже в тебя влюблён. Буквально с первого вдоха.

Я метнула на кота короткий взгляд: мол, не сейчас.

Мужчина тем временем сделал шаг вперёд, будто преодолевая сопротивление воздуха.

— Мне… что-нибудь обычное, — сказал он, но голос прозвучал чуть хрипло.

Я скрестила руки.

— Обычное у нас только название. Сама кофейня — это филиал хаоса. Могу предложить американо.

Уголок его рта дрогнул — почти улыбка.

— Пусть будет американо.

Пока я наливала, он не сводил с меня глаз. Но теперь в этом взгляде было не только напряжение — в нём проскакивал тот самый ехидный огонёк, будто он прекрасно понимал, как нелепо выглядит, и заранее подшучивал над собой.

— Знаете, — вдруг сказал он, когда я поставила перед ним чашку, — я обычно прихожу в кафе и прошу «что-нибудь без драмы». А тут я уже чувствую, что драма сама меня нашла.

Причём она ещё и фартук носит.

Я приподняла бровь.

— Драма в фартуке — это я. И она сейчас очень старается не превратить сахар в пророчество.

Он хмыкнул, взял чашку, сделал глоток и замер. Потом медленно поднял глаза.

— Интересный вкус, — произнёс он. — В нём есть… характер. Как будто кофе знает, что ты с ним не церемонишься, и отвечает тем же.

— Вот, — я ткнула пальцем в сторону чашки. — Даже кофе меня понимает. В отличие от некоторых.

Барсик закатил глаза.

— Да-да. Ты у нас трагическая героиня с эспрессо вместо слёз.

Оборотень вдруг усмехнулся, и в этой усмешке было столько волчьего обаяния, что даже Барсик на секунду перестал язвить.

— А можно ещё один вопрос? — спросил он.

— Если это не «а вы верите в магию», то можно.

— Нет, — он чуть наклонил голову, будто сам себе удивлялся. — Я как раз верю. Просто хотел спросить… можно ли мне приходить сюда почаще? Тут… спокойно. Даже когда вокруг хаос.

Я оперлась на стойку.

— Можно. Только без превращений посреди зала. У нас тут хрупкие чашки и нервная хозяйка.

— Обещаю, — серьёзно кивнул он, а потом, не удержавшись, добавил: — Ну, если только совсем чуть-чуть. В хвост. И только если никто не заметит.

Я фыркнула.

— Договорились. Но если у тебя из кармана выпадет клок шерсти — я делаю вид, что не видела.

Он улыбнулся так, будто только что выиграл какой-то маленький, но очень важный спор.

Когда он сел у окна, аккуратно, будто боялся занять слишком много места, я посмотрела на Барсика.

— Ну? И что это было?

Кот зевнул.

— Оборотень. Влюбляется с первого вдоха, но, к счастью, не лишён чувства юмора. Будет приносить тебе «ценные подарки» — скорее всего, это будет что-то, что он героически отбил у холодильника. И смотреть на тебя так, будто ты — смысл его существования. Но хотя бы не будет драматизировать.

Я покачала головой, но уголки губ всё-таки дрогнули.

— Мой хаос теперь считается достоинством? Надо было раньше знать. Я бы тогда не пыталась его прятать.

Из колонки снова грянул «Король и Шут», и я подумала, что, возможно, это и есть моё заклинание: громкий рок, крепкий кофе и один невыносимо ехидный кот.

И один невыносимо обаятельный оборотень, который явно собирался стать моим постоянным клиентом.

Но тут дверь снова распахнулась. На этот раз не с порывом ветра, а с той нарочитой аккуратностью, от которой у меня волоски на затылке встали дыбом.

На пороге стоял мужчина в тёмном плаще, с холодным, цепким взглядом и такой аурой, будто он пришёл не за кофе, а за чужими секретами. В руке он держал тонкий металлический жезл, едва заметно мерцавший по краям.

Барсик мгновенно съёжился в пушистый шар и прошипел:

— Ловец. И, судя по жезлу, не из тех, кто спрашивает.

Ловец медленно обвёл взглядом кофейню, будто считывал каждый угол, каждую тень. Его нос чуть дёрнулся, когда он втянул воздух.

— Здесь пахнет магией, — произнёс он ровным, безэмоциональным голосом. — Свежей. Необученной.

Я инстинктивно шагнула вперёд, прикрывая собой стойку — и заодно оборотня, который вдруг замер, будто хищник, заметивший более опасного хищника.

— Тут пахнет только корицей и плохим настроением, — спокойно сказала я, хотя внутри у меня всё сжалось. — Хотите кофе?

Ловец не улыбнулся. Он вообще, казалось, не умел улыбаться.

— Не надо игр, — отрезал он. — Я чувствую ведьму. И я не уйду, пока не заберу то, за чем пришёл.

Оборотень медленно поднялся, не сводя с ловца пристального взгляда. В его движениях не было агрессии —

только готовность. И в этой готовности проступало что-то звериное, сдержанное, но очень опасное.

— А если я скажу, что тут нет ведьм, а есть только очень упрямая бариста с плохим чувством юмора? — вдруг вставил он с той самой ехидной интонацией, которая минуту назад казалась мне такой уютной. Теперь в ней звучала сталь. — Может, тогда ты просто возьмёшь кофе и уйдёшь?

Ловец прищурился, будто впервые по-настоящему заметил его.

— Ты… — начал он, и в его голосе проскользнуло раздражение. — Ты оборотень. И ты защищаешь ведьму. Это усложняет ситуацию.

— Зато делает её интереснее, — невозмутимо ответил оборотень, чуть наклонив голову. — И, честно говоря, я уже сел. Так что давай без резких движений. Тут хрупкие чашки.

Барсик тихо прошипел мне:

— Он сейчас спасает тебя своим сарказмом. Это, пожалуй, самый волчий способ защиты, который я видел.

Я сжала край стойки, пытаясь удержать лицо спокойным.

— Так, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал буднично. — У нас тут кофейня, а не поле битвы. Если хотите кофе — берите. Если нет — пожалуйста, не портите атмосферу. У нас и так понедельник.

Ловец сделал шаг вперёд. Жезл в его руке слабо вспыхнул.

— Я не за кофе пришёл, — тихо произнёс он.

И в этот момент сахар на стойке, будто устав от всей этой

драмы, сам собой сложился в чёткую, идеально ровную руну — и прямо поверх неё проявился отпечаток волчьей лапы.

Тишина в кофейне стала почти осязаемой.

Я закрыла глаза на секунду.

— Ну вот, — пробормотала я. — Теперь он точно не уйдёт.

Барсик вздохнул.

— Добро пожаловать в клуб «Магия, которая не умеет молчать».

Глава 2. Когда сарказм не спасает, а только украшает драму

Я всё ещё сжимала край стойки, будто он был единственным якорем в этом внезапно сошедшем с ума понедельнике. Сахар на прилавке застыл в виде руны, отпечаток волчьей лапы поверх неё светился тусклым серебристым отблеском — и я очень старалась не смотреть на него, потому что если начну думать, что это реально плохо, то магия, скорее всего, решит, что надо сделать ещё хуже. Например, заставить чашки запеть хором.

Ловец сделал ещё шаг. Жезл в его руке пульсировал холодным светом, и от этого света тени в кофейне будто становились гуще, плотнее, словно собирались встать на его сторону.

— Не советую подходить ближе, — спокойно сказал оборотень, но в этом спокойствии звенело напряжение, как в натянутой струне. — Тут хрупкие чашки. И нервная бариста. А я вообще не люблю, когда нервничают те, кто мне нравится.

Ловец даже не повернул головы в его сторону — смотрел только на меня.

— Ты знаешь, кто он такой? — спросил он у меня, будто оборотень был не живым существом, а мебелью, которую можно игнорировать. — Оборотень, который защищает

ведьму. Это не благородство. Это соучастие.

Оборотень хмыкнул — звук вышел почти весёлым, но в нём не было ни капли веселья.

— Ну, если хочешь, можешь записать меня в сообщники. Только сначала скажи, что именно я сообщничаю. Пока я просто пью кофе и пытаюсь не разбить чашку от нервов. Это уже преступление?

— Это уловка, — отрезал Ловец. — Ты тянешь время.

— А ты не тянешь? — оборотень чуть наклонил голову, и в этом движении проскользнуло что-то хищное, но не агрессивное — скорее, любопытное. — Ты стоишь тут, светишь своим жезлом, пугаешь кота и бариста… и до сих пор не сказал, зачем пришёл. Может, ты просто любишь драму? Или тебе нравится, когда сахар складывает руны? У нас это по понедельникам.

Барсик, до этого сжавшийся в пушистый шар, вдруг фыркнул:

— Он сейчас пытается заболтать опасность до смерти. Работает примерно в тридцати процентах случаев.

Я наконец отлепилась от стойки — не потому, что перестала бояться, а потому, что стоять столбом было ещё страшнее.

— Слушай, — сказала я Ловцу, стараясь, чтобы голос звучал ровно, будто я каждый день спорю с людьми, у которых в руках магические жезлы. — Если ты пришёл за ведьмой, то я тебе честно скажу: я не какая-то там легендарная колдунья.

Я просто бариста, у которой магия просыпается от стресса. И, честно говоря, я бы предпочла, чтобы она вообще не просыпалась. Сегодня у меня ещё две поставки сиропов, и я не уверена, что смогу удержать сахар от пророчеств до конца смены.

Ловец чуть прищурился, будто пытался разглядеть во мне что-то, скрытое за словами.

— Магия не выбирает удобные дни, — холодно произнёс он. — И не спрашивает, хочешь ли ты ею владеть.

— Зато она отлично чувствует, когда я опаздываю, — буркнула я. — В прошлый раз, когда я бежала на автобус, асфальт сам собой превратился в каток. Я до сих пор делаю вид, что это была просто лужа.

Оборотень тихо рассмеялся — и этот смех, короткий и тёплый, вдруг прорезал напряжение, как луч света прорезает туман.

— Видишь? — сказал он Ловцу, но смотрел при этом на меня, будто хотел убедиться, что я всё ещё здесь, всё ещё целая. — Она не прячется. Она просто пытается жить. И варить кофе. И не дать сахару написать что-нибудь вроде «Конец света в 15:00».

Ловец наконец перевёл взгляд на него — и в этом взгляде было столько льда, что даже воздух, казалось, стал холоднее.

— Ты защищаешь её, — медленно произнёс он, словно каждое слово давалось ему с трудом. — Ты понимаешь, что это значит?

Оборотень не отвёл взгляда.

— Понимаю. Это значит, что я не позволю тебе просто забрать её, как какой-то трофей для твоего отчёта. Если тебе нужна ведьма — сначала придётся поговорить со мной. И, возможно, извиниться за то, что испортил ей понедельник.

В этот момент из колонки над кассой грянула песня «Лесник» группы «Король и Шут» — громко, резко, с этим самым узнаваемым вступлением, будто сама вселенная решила добавить сцене саундтрек. Барсик закатил глаза.

— Ну вот, — пробурчал он. — Теперь это официально сцена из рок-оперы. Причём с тематическим подбором музыки.

И тут же, будто в ответ на музыку, жезл в руке Ловца вспыхнул ярче — но не ровным светом, а рваными вспышками, как будто что-то внутри него споткнулось о ритм. Он нахмурился, будто сам не ожидал такой реакции.

— Что… — начал он, но не успел закончить.

Потому что оборотень вдруг шагнул вперёд — не агрессивно, но твёрдо, закрывая меня собой так естественно, будто делал это всю жизнь. И когда он двигался, в его силуэте на долю секунды мелькнуло что-то звериное: чуть более широкие плечи, чуть более резкие линии, тень волчьей морды, наложившаяся на человеческое лицо — и тут же исчезнувшая.

— Давай без фокусов, — спокойно сказал он, глядя Ловцу прямо в глаза. — Мы не хотим проблем. Но и сдаваться не будем. Так что выбирай: либо ты объясняешь, зачем пришёл,

либо ты уходишь. А если ты попробуешь применить силу — я напомню, что в этой кофейне даже сахар умеет драться.

Тишина повисла между ними, плотная и тяжёлая. Даже «Лесник» на секунду будто затих, прислушиваясь.

Ловец медленно опустил жезл. Свет на нём стал тусклее, ровнее.

— У меня приказ, — наконец произнёс он, и в его голосе впервые проскользнуло что-то похожее на усталость. — На каждую неоформленную магию. На каждую ведьму, которая не стоит на учёте.

Я невольно подалась вперёд.

— На учёте? Как в библиотеке? «Кира, верните заклинание вовремя, а то штраф»?

Барсик тихо хихикнул, но тут же сделал вид, что кашляет.

Оборотень едва заметно улыбнулся уголками губ.

— Видишь? Она даже в стрессе остаётся собой. Это редкость. И это, кстати, аргумент. Может, вместо того чтобы тащить её куда-то, ты просто расскажешь, что за учёт такой? И почему он обязательно должен начинаться с угрозы?

Ловец помолчал ещё секунду. Потом, к моему огромному удивлению, кивнул — один короткий, сдержанный кивок.

— Хорошо, — сказал он. — Я расскажу. Но не здесь. И не сейчас. Здесь слишком… шумно.

Он бросил короткий взгляд на колонку, из которой снова грянул припев «Лесника», и чуть поморщился.

— И слишком громко.

Я выдохнула — первый раз за последние несколько минут.

— Ладно, — сказала я. — Но если мы куда-то пойдём, то кофе ты берёшь с собой. Это условие. Потому что если уж меня будут забирать на учёт, то хотя бы с горячим американо в руке.

Оборотень фыркнул.

— Вот это я понимаю — приоритеты.

Ловец снова посмотрел на меня — и на этот раз в его взгляде было не столько подозрение, сколько… любопытство. Будто он впервые увидел не «объект», а человека.

— Американо, — повторил он, будто пробуя слово на вкус. — Хорошо. Но без корицы. Корица маскирует магические следы.

Я закатила глаза.

— Без корицы так без корицы. Но тогда это уже не кофе, а просто горячая вода с характером.

Глава 3. Когда магия решает, что пора поработать

Я выдохнула, будто только что выиграла крошечный, но жизненно важный раунд. И тут же поймала себя на мысли: радоваться рано. У меня вообще-то смена не закрыта, а через двадцать минут должна подъехать доставка сиропов — и если я сейчас уйду «на учёт», то вместо магического досье получу выговор от поставщика и гору просроченных накладных.

— Так, — сказала я, стараясь звучать твёрдо, хотя внутри всё ещё подрагивало от адреналина. — У меня тут дело. Важнее учёта. Через двадцать минут приезжает доставка сиропов, и если я её пропущу, то магия будет ни при чём — меня уволит сама вселенная за профнепригодность.

Ловец чуть приподнял бровь — будто впервые услышал аргумент, который не вписывался в его протоколы.

— Ты всерьёз собираешься варить кофе… после того, как сахар сложился в руну?

— Именно, — кивнула я. — Потому что если я перестану варить кофе, сахар начнёт складывать пророчества. А я уже видела надпись «Беги». Больше не хочу.

Оборотень тихо фыркнул, и в этом звуке слышалось уважение пополам с ужасом.

— Знаешь, в моём мире оборотни перед битвой едят сырое мясо и рычат на луну. А ты… ты защищаешь доставку сиропов. Это по-своему эпично.

Барсик сполз с полки и приземлился на стойку с таким видом, будто собирался лично контролировать ситуацию.

— Если она сейчас начнёт мерить сиропы, магия решит, что это новый ритуал, — пробурчал он. — И, скорее всего, добавит спецэффектов.

Я покосилась на кота.

— Спасибо, что подбодрил.

И в этот самый момент колонка над кассой переключилась на что-то другое. Заиграл бодрый трек — лёгкий, с гитарным перебором, под который хотелось просто успеть допить остывший кофе. Я чуть улыбнулась: иногда именно такой ритм помогал не сойти с ума посреди хаоса.

— Ладно, — сказала я Ловцу, уже двигаясь к холодильнику. — Ты можешь стоять тут и сверкать жезлом, но я всё равно открою дверь для доставки. Это кофейня, а не поле боя.

Я распахнула дверцу холодильника — и магия, видимо, решила, что раз уж я взялась за рутину, надо сделать её максимально зрелищной. Холодный воздух вырвался наружу, закружился вихрем, а потом вдруг начал складываться в полупрозрачные узоры — словно кто-то невидимый рисовал в воздухе формулы, рецепты и, кажется, даже список покупок.

— О, нет, — простонал Барсик. — Это уже не магия стресса. Это магия «я забыла купить молоко».

Оборотень шагнул ближе, прикрывая меня от странного вихря, но не паниковал — скорее, выглядел так, будто пытался угадать, как эта штука работает, чтобы потом использовать в своих интересах.

— Красиво, — спокойно сказал он. — Но, может, чуть тише? А то мне кажется, что этот вихрь сейчас начнёт напевать.

Вихрь, будто услышав его, действительно издал тонкий звук — что-то среднее между свистом ветра и очень расстроенной флейтой.

Ловец нахмурился и поднял жезл, но не угрожающе, а скорее… аналитически.

— Это не стандартная реакция, — пробормотал он. — Обычно магия проявляется как всплеск, выброс. А это… это как будто она пытается что-то объяснить.

— Ага, — буркнула я, пытаясь удержать дверцу холодильника, которая вдруг захотела захлопнуться сама по себе. — Она объясняет, что я слишком много думаю о сиропах. И что мне надо меньше кофеина.

В этот момент дверь кофейни распахнулась, и на пороге появился курьер с коробкой, на которой было крупно написано: «Осторожно, сиропы! Не ронять, не трясти, не превращать в заклинания!»

— Привет, — выдохнул он, оглядывая вихрь, жезл и оборотня, который стоял так, будто это самая обычная смена в кофейне. — У вас тут… всё в порядке?

Я выдавила улыбку.

— Абсолютно. Просто у нас сегодня день открытых дверей… и магии. Поставь коробку на стойку, только, пожалуйста, не смотри на вихрь — он обидчивый.

Курьер осторожно поставил коробку, покосился на Ловца и прошептал:

— У вас охрана какая-то… специфическая.

— Это не охрана, — вздохнула я. — Это учёт.

Пока курьер заполнял накладную, вихрь постепенно стих, узоры растаяли, а дверца холодильника наконец-то перестала вести себя как живое существо. И только сахар на стойке тихо хрустнул, будто хихикнул: мол, ну что, думала, отделалась?

Барсик спрыгнул на пол и обошёл коробку по кругу.

— Сироп «Карамельная тайна», — прочитал он с интонацией детектива. — Надеюсь, он не начнёт рассказывать нам свои секреты.

Оборотень наклонился ко мне и тихо сказал:

— Знаешь, если ты сейчас спокойно примешь эту доставку, я официально признаю, что ты храбрее любого воина, которого я встречал.

Я усмехнулась.

— Храбрее — или просто слишком упрямая, чтобы признать, что мне страшно?

— Иногда это одно и то же, — подмигнул он.

Ловец опустил жезл и впервые за всё время посмотрел на

меня не как на объект, а как на человека, у которого есть дела поважнее его приказов.

— Хорошо, — сказал он, и в его голосе прозвучало что-то новое — не приказ, а почти извинение. — Мы подождём. Но потом нам всё равно придётся поговорить.

Я кивнула, чувствуя, как напряжение понемногу отпускает плечи.

— Договорились. Сначала сиропы. Потом учёт. И, пожалуйста, без спецэффектов.

Глава 4. Дорога, которая не хотела быть просто дорогой

Я поставила последнюю печать на накладной, щёлкнула замком входной двери и повесила табличку «Закрыто» так, будто она была щитом. Тишина в кофейне, только что гудевшей от напряжения, обрушилась почти физически — и я вдруг поняла, как сильно дрожат руки.

— Всё, — выдохнула я, стараясь звучать уверенно. — Смена закрыта. Теперь можно и на учёт. Если это вообще слово, от которого не хочется нервно хихикать.

Барсик, который всё это время сидел у кассы, будто дежурил на посту, потянулся всем телом, выгнув спину дугой.

— Наконец-то, — пробурчал он. — А то я уже начал бояться, что мы тут будем жить. И что мне придётся объяснять, почему я ем только тот корм, на который не легла магическая тень.

Оборотень, до этого молча наблюдавший за каждым моим движением, чуть наклонил голову.

— Ты молодец, — тихо сказал он. — Держала всё под контролем. Даже когда контроль явно хотел сбежать через заднюю дверь.

Я криво улыбнулась.

— Спасибо. Но, честно говоря, я просто очень не люблю

терять сиропы.

Ловец стоял чуть в стороне, жезл теперь был убран в специальный чехол — будто он решил, что в закрытой кофейне угрожать уже не по уставу.

— Нам нужно в отделение, — коротко произнёс он. — Это недалеко. Но лучше идти быстро. И тихо.

— Быстро и тихо — это не про меня, — буркнула я. — Я обычно иду и попутно выясняю отношения с асфальтом.

Мы вышли на улицу. Дождь наконец стих, но воздух был тяжёлым, мокрым, и фонари горели тускло, будто не хотели привлекать лишнего внимания. Город казался насторожённым — как будто знал, что сейчас по его тротуарам идут люди (и не совсем люди), которым лучше не попадаться на пути.

Мы шли втроём: я посередине, оборотень чуть впереди, будто прокладывал путь, а Ловец держался позади, сканируя пространство. Барсик, разумеется, пошёл с нами — запрыгнул мне на плечо, вцепился когтями в куртку и заявил:

— Если начнётся драка, я буду моральным авторитетом. И, возможно, брошу в кого-нибудь свой авторитет. Физически.

Я только вздохнула.

Через пару кварталов улица стала уже, дома — мрачнее, а воздух будто гуще. Я уже хотела пошутить про «место, где даже тени платят аренду», но тут Барсик вдруг замер, вжавшись в моё плечо.

— Стой, — прошипел он. — Там… нехорошо.

И правда. Впереди, там, где переулок нырял в темноту, было что-то неправильное. Не просто темнота — а пустота, которая слишком старательно притворялась тенью.

Оборотень резко поднял руку, останавливая нас. Его поза мгновенно изменилась: из расслабленной и чуть небрежной она стала собранной, хищной. Он втянул воздух — и на этот раз не так, как делают люди. Это было движение зверя, который считывает мир по запахам, звукам и вибрациям.

— Засада, — глухо произнёс он. — Не ваша, — бросил он Ловцу, будто это было важно уточнить. — Чужая. Стая, которая не признаёт границ.

Ловец напрягся, рука метнулась к чехлу, но оборотень качнул головой.

— Не надо жезла. Тут нужна другая сила.

Из темноты переулка выступили фигуры. Не люди — и не совсем звери. Полуоборотни, дикие, без контроля, с горящими глазами и оскаленными мордами. Их было пятеро, и они не собирались разговаривать.

— Вот это я понимаю, — пробормотал Барсик. — Переделка. С полным комплектом спецэффектов.

Один из них, самый крупный, вышел вперёд. В его движениях была наглость вожака, который привык, что ему уступают дорогу.

— Что, городской принц решил прогуляться? — хрипло протянул он, глядя на моего спутника. — А мы как раз ду-

мали, кого бы сегодня напугать. Судьба сама привела.

Тут-то я и поняла: оборотень, который весь день шутил, пил американо и прикрывал меня от жезла, сейчас смотрел на врага совсем другими глазами. В них не было ни иронии, ни лёгкости — только холодная, отточенная сила. И власть.

— Я не принц, — спокойно, но так, что голос прозвучал, как удар, произнёс он. — Я Альфа. И эта улица — под моей защитой.

Слова повисли в воздухе, тяжёлые, весомые. Даже дикие оборотни на секунду замерли, будто их ударило не звуком, а волной силы.

Вожак стаи ощерился, но в его оскале мелькнуло не столько злорадство, сколько отчаяние — он понял, кто перед ним.

— Альфа? — переспросил он, будто пытаясь убедить себя, что ослышался. — Ты же ушёл. Ты бросил стаю!

— Я ушёл, — ровно ответил мой оборотень. — Но это не значит, что я перестал быть её сердцем. И не значит, что позволю кому-то нападать на тех, кто под моей опекой.

Он сделал шаг вперёд, и с каждым его шагом воздух будто сгущался, наполняясь древней, звериной энергией. Его силуэт на мгновение расплылся, стал шире, мощнее, и в темноте сверкнули янтарные глаза — уже не человеческие.

— Убирайтесь, — сказал он, и это был не совет. Это был приказ, от которого даже асфальт под ногами словно сжался. — Сейчас. Пока я ещё предлагаю.

Дикие переглянулись. Вожак зарычал, но это был уже не

вызов — это был звук загнанного зверя.

— Мы не боимся тебя! — выкрикнул он, но голос дрогнул.

Тогда оборотень не стал больше ничего говорить. Он просто позволил своей силе выплеснуться — не как вспышка, не как удар, а как волна, которая накрыла переулок, заставляя тени отступить, а диких оборотней прижаться к стенам, поджать уши и опустить головы.

— Я сказал, — повторил он, и теперь в его голосе звучала не угроза, а абсолютная уверенность в своём праве командовать. — Убирайтесь.

Они отступили. Сначала медленно, потом всё быстрее, растворяясь в темноте, пока переулок не опустел, оставив после себя только запах озона и звериного страха.

Тишина вернулась, но теперь она была другой — наполненной отзвуком только что отгремевшей силы.

Я стояла, прижавшись спиной к стене, и пыталась осознать, что только что видела. Барсик сполз с моего плеча и сел на асфальт, глядя на оборотня с новым уважением.

— Ну ладно, — пробормотал кот. — Теперь понятно, почему он так спокойно относился к жезлу. У него свой жезл. Только из чистой воли.

Ловец смотрел на него так, будто видел впервые.

— Альфа, — тихо повторил он, словно проверяя слово на вкус. — И ты… защищаешь ведьму.

Оборотень медленно выдохнул, и его фигура снова стала

человеческой — но в ней осталась эта тяжесть, эта несокрушимая уверенность. Он повернулся ко мне, и в его глазах снова мелькнула та самая искорка, которая мне так нравилась.

— Прости, что не сказал сразу, — спокойно произнёс он. — Обычно я не начинаю знакомство с титулов. «Привет, я Альфа, и у меня стая из тридцати оборотней, половина из которых до сих пор считает, что я слишком много шучу». Звучит как плохая шутка.

Я нервно рассмеялась, пытаясь сбросить напряжение.

— Да уж. Зато теперь понятно, почему ты так уверенно спорил с жезлом. Ты привык спорить с целой стаей.

Он чуть улыбнулся.

— С жезлом проще. Стая хотя бы отвечает.

Ловец снова посмотрел на нас обоих, и в его взгляде было уже не столько подозрение, сколько… усталость.

— Ладно, — наконец сказал он. — Если уж мы пережили нападение диких, может, теперь и про учёт поговорим без лишних спецэффектов?

Я кивнула, чувствуя, как адреналин постепенно сменяется чем-то другим — не то облегчением, не то предвкушением.

— Давайте. Только… можно сначала где-нибудь присесть? А то у меня ноги всё ещё не уверены, что мы не в эпицентре битвы.

Оборотень протянул мне руку — не как рыцарь, а как тот, кто просто знает: сейчас ей нужна опора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.